

На островe с
МИЛИАРДЕРОМ

• ОЛЬГА ГРАФ •

Ольга Граф

На острове с миллиардером

«Литнет»

2026

Граф О.

На острове с миллиардером / О. Граф — «Литнет», 2026

Бывший жених увёл бизнес, репутацию и подписал моим именем долг на полтора миллиона. Когда от банка пришло третье письмо, я собрала чемоданы и поехала спасать умирающий отель на острове. Не потому что мечтала. Премия за сезон — единственное, что стоит между мной и улицей. В отеле уже жил он. Андрей Корсаков. Миллиардер, который купил себе виллу, тишину и право два месяца никого не видеть. Я приехала эту тишину уничтожить. Он говорит «нет» на всё, что я предлагаю. Я делаю это всё равно. Он смотрит на меня так, будто я — стихийное бедствие в человеческий рост. Я смотрю на него и стараюсь не думать о том, какие у него руки. Не получается. У меня есть план на лето: спасти отель, закрыть долг, уехать. У него есть план на лето: чтобы его наконец оставили в покое. Планы трещат по швам уже к концу первой недели.

© Граф О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Без права на провал	5
Глава 2. Боевые действия	13
Глава 3. Без лестницы	18
Глава 4. Ночь	23
Глава 5. Первые гости	30
Глава 6. Платье не для него	38
Глава 7. Новые условия	44
Глава 8. Шторм	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Без права на провал

Первое письмо от банка я не открыла три дня. Не из страха — из принципа. У меня есть правило: если игнорировать проблему достаточно демонстративно, иногда она решает, что обозначалась адресом, и уходит сама.

Не ушла.

Второе письмо пришло заказным. Я расписалась за него с лицом человека, который только что получил приглашение на свадьбу бывшего — то есть с улыбкой, за которой прятался полноценный нервный срыв.

Третье письмо пришло уже не письмом, а звонком. Девушка из банка говорила вежливо, профессионально, с той интонацией, которая обучена не звучать угрожающе, даже когда содержание — чистая угроза.

— Марта Сергеевна, по кредитному договору номер... образовалась просрочка... в случае дальнейшего нарушения графика мы будем вынуждены инициировать процедуру взыскания через залоговое имущество...

Залоговое имущество — это моя квартира. Тридцать два метра, которые я выплачивала шесть лет, прежде чем превратить их в обеспечение по кредиту на расширение нашей с Ильёй компании. Кредит, который должны были гасить мы оба. Кредит, который теперь гашу я одна, потому что Илья — гений переговоров не только с клиентами, но и с банками.

Пока я пыталась спасти проект, который тонул, Илья тихо встретился с нашим кредитным менеджером и обсудил «реструктуризацию ответственности». Я узнала об этом постфактум, из документов, которые подписала сама, не читая внимательно, потому что была занята спасением утопающего бизнеса, а не подстраховкой собственной задницы.

Спойлер: бизнес утонул. Задница осталась непокрытой.

Теперь у меня долг полтора миллиона, квартира в залоге и бывший партнёр, который на интервью для отраслевого издания сказал, что «искренне сожалеет о ситуации и желает Марте сил».

Сил, Илья. Спасибо. Очень помогло.

* * *

Я сидела в кафе напротив банка — выбрала специально это место, чтобы видеть здание, в которое только что зашла, как заходят в кабинет хирурга — и листала вакансии, когда раздался звонок с незнакомого номера.

— Марта Лаврова? — спросил мужской голос, уставший и торопливый одновременно. — Это Виктор Аркадьевич, владелец отеля «Белая бухта». Мне дали ваш номер коллеги, сказали, вы — лучший антикризисный управляющий, который сейчас свободен.

«Свободен» — хорошее слово для «никто не хочет со мной работать».

— Слушаю, — сказала я ровным голосом, который не выдавал, что я только что обсуждала с банком, насколько я близка к статусу «бездомная».

Он рассказал быстро, нервно, как рассказывают люди, которые понимают: ещё один сезон в минус — и спасать будет нечего. Отель на острове. Полупустой. Сезон через три недели. Персонал на грани увольнения. Соцсети мертвее, чем моя кредитная история.

— Контракт на три месяца, — сказал он. — Фиксированная ставка плюс бонус по результатам сезона. Серьёзный бонус, если справитесь.

Я посчитала в уме за полторы секунды.

Серьёзный бонус — это почти весь долг. Не весь. Но достаточно, чтобы перестать просыпаться в четыре утра и слушать, как колотится сердце от звука уведомления на телефоне.

— Когда нужно быть на месте? — спросила я.

— Вчера, — честно сказал он.

— Буду послезавтра, — сказала я.

Положила трубку. Посмотрела на здание банка через дорогу.

— Ну что, — сказала я вслух пустому столику напротив. — Кажется, у меня появился план получше, чем сидеть здесь и медленно умирать от стыда.

Официантка посмотрела на меня странно. Я не стала объяснять. Некоторые разговоры лучше вести с самой собой, без свидетелей.

* * *

Сборы заняли один вечер. Это говорит либо о моей эффективности, либо о том, насколько мало у меня осталось вещей после того, как часть имущества пошла на покрытие срочных долгов. Я предпочитаю первую версию — звучит достойнее.

Два чемодана. Рюкзак с двумя ноутбуками — рабочий инструмент, без него я не функционирую. Сумка с тремя килограммами кофе в зёрнах — медицинская необходимость, не обсуждается, я и так теряю слишком много нервных клеток в последнее время, кофе хотя бы не предаёт.

Маме я наврала, что еду на интересный проект на острове, «очень перспективный, отличная команда». Не наврала про остров. Наврала про всё остальное — команды я ещё не видела, перспективность измеряется суммой в строке «бонус», а не творческим ростом.

Лучшей подруге Саше наврать не получилось, потому что Саша знает меня двадцать лет и слышит ложь по интонации голоса даже через текстовое сообщение.

«Марта, ты точно в порядке?» — написала она.

«Буду в порядке через три месяца, если всё получится», — честно ответила я.

«А если не получится?»

«Тогда буду неплохо разбираться в банкротстве физических лиц. Полезный навык».

Саша прислала мне фотографию защитного амулета из эзотерического магазина рядом с её домом — «на удачу, не спорь, просто возьми с собой энергетически». Я не взяла. Зато взяла три книги по антикризисному управлению отелями и блокнот, в котором с этого момента собиралась записывать каждый шаг.

В шесть утра следующего дня я уже стояла в очереди на паром с двумя чемоданами и лицом человека, у которого всё под контролем.

Лицо — бесплатно. Контроль — за дополнительную плату, которую я пока не могла себе позволить.

* * *

Паром шёл четыре часа. Вокруг были туристы — счастливые, лёгкие, с рюкзаками вместо рабочих ноутбуков. Одна пара кормила чаек с руки. Мужчина в соломенной шляпе пил что-то из термоса с видом абсолютного довольства собой — видимо, у него не было кредитного менеджера, который знает его по имени.

Я открыла ноутбук, вывела загрузку отеля по месяцам и какое-то время просто смотрела.

Июнь — пустой. Июнь прошлого года — тоже пустой. Май позапрошлого — там цифры такие, что хочется проверить, не опечатка ли.

«Как вы вообще ещё существуете», — мысленно спросила я у отеля «Белая бухта», глядя в монитор.

Отель, разумеется, не ответил. Молчаливый, как банк перед тем, как прислать третье письмо.

Я закрыла ноутбук и стала смотреть на море, потому что иногда — не часто, но иногда — полезно просто смотреть на что-то большое и равнодушное к твоим конкретным проблемам. Помогает почувствовать масштаб.

Спойлер: помогло не очень. Но вид был красивый, и я хотя бы перестала на десять минут думать про цифру 1 500 000.

* * *

Остров появился в иллюминаторе в одиннадцать три. Белые дома на холме. Синие ставни. Сосны. Море такого глубокого синего, что хотелось написать кому-нибудь «смотри»

— но писать было особо некому, потому что мама не поймёт масштаба, а Саша уже всё знает про реальное положение дел и просто пришлёт ещё один амулет.

Красиво, подумала я.

Будет крайне обидно, если этот сезон я провалю так же красиво, как утонул предыдущий бизнес.

Не провалю.

Я давно заметила: когда говоришь себе что-то достаточно уверенным внутренним голосом, оно иногда даже сбывается. Не всегда. Но процент выше нуля, и сейчас мне годится любой процент.

* * *

Коста встретил меня у ворот отеля — невысокий, загорелый, с усами, видом человека, который на этом острове видел всё и давно перестал чему-либо удивляться.

Он посмотрел на мои чемоданы. На рюкзак. На пакет с кофе.

— Надолго? — спросил он.

— На сезон, — сказала я. — Это рабочие материалы.

Молчание.

— Три пары обуви — тоже рабочие, — уточнила я. — У меня разные форматы переговоров требуют разной обуви. Это не каприз, это профессиональная необходимость.

Коста кивнул с видом человека, которому платят не за комментарии к чужому гардеробу. Взял большой чемодан. Потом второй — без лишних вопросов, просто молча признав поражение в этом конкретном споре.

Отель вблизи выглядел именно так, как я и боялась — красиво и совершенно запущенно. Краска у входа облупилась. Тент над террасой выгорел до неопределённого пыльного оттенка. В горшках с геранью была земля, но самой герани не было — видимо, она сбежала первой, почувствовав на острове общий упадок духа.

Я вытащила телефон и начала фотографировать буквально всё, что видела.

— Аудит, — объяснила я Косте, который смотрел на меня с лёгкой тревогой.

— Понятно, — сказал он. И, помолчав: — Марта Сергеевна, я должен вас предупредить про одного гостя.

— Потом, — сказала я, потому что в кадре телефона как раз была терраса с видом на бухту, и я уже мысленно расставляла на ней столики. Такие моменты вдохновения нельзя пре-

рывать ради организационных вопросов — вдохновение, в отличие от долга, не присылает повторных писем с напоминанием.

— Лучше сейчас, — настойчиво сказал Коста тоном человека, который пытается спасти меня от чего-то, чего я пока не вижу.

Я опустила телефон.

— Хорошо. Слушаю.

* * *

Долгосрочный гость. Отдельная вилла на территории. Снял её на всё лето. Уже два месяца живёт здесь. Очень ценит тишину. Персонал старается лишний раз не попадаться ему на глаза.

— Прекрасно, — сказала я. — Значит, у нас уже есть один постоянный клиент. Будем считать это хорошим знаком.

— Господин Корсаков может быть...

— Коста, — перебила я мягко, с той самой профессиональной улыбкой, которая у меня отрабатывается годами специально для трудных переговоров. — Я понимаю. Привык к определённомu режиму, не любит шум, любит покой. Но у меня в кармане долг размером в небольшую квартиру в спальном районе, и единственный способ его закрыть — это превратить полупустой отель в полный за один сезон. Один очень дорогой и тихий гость отель не спасёт. Мне нужны десятки шумных, платёжеспособных людей с хорошими камерами в телефонах. Господин Корсаков как-нибудь это переживёт.

Коста посмотрел на меня долгим взглядом, в котором я тогда прочитала что-то вроде вежливого скептицизма.

Позже, познакомившись с господином Корсаковым лично, я поняла, что это было не скептицизм.

Это было искреннее, неприкрытое сочувствие.

* * *

Номер мне достался маленький, с окном прямо на бухту — и за один этот вид я была готова простить отелю всё остальное: и кран, который открывался с явным личным мнением по этому поводу, и шкаф, чья правая дверца жила какой-то отдельной, никому не подчиняющейся жизнью.

Я умылась, сварила кофе из термоса — умная я, взяла его в дорогу заранее — и вышла на террасу с блокнотом и телефоном.

Вот здесь будут стоять столики. Вдоль перил — гирлянда фонарей. Тот угол с видом на бухту — лучший кадр на всём острове, туда нужно поставить что-нибудь красивое, и люди сами

принесут мне бесплатный маркетинг в виде собственных публикаций. Меню на сайте отеля я уже видела заранее — там было что-то вроде «паста дня» без единого уточнения, какая именно паста, и это не концепция, это белый флаг капитуляции, вывешенный прямо над кухней.

Я позвонила Саше.

— Ну как там? — спросила она.

— Саш, тут терраса такая, что хочется плакать от красоты, — сказала я, расхаживая вдоль перил с телефоном в одной руке и кофе в другой. — Серьёзно, не понимаю, как владельцы умудрились довести золотую жилу до состояния «забытый богом сарай с видом». Я смотрю на это — и план уже сам пишется в голове. Ужины здесь, фонари тут, один хороший фотограф — и через три недели тут будет очередь. Ресторан пока не видела, но судя по сайту, там готовят что-то среднее между капитуляцией и философским жестом. Соцсети умерли ещё в феврале позапрошлого года, и знаешь, даже хорошо — там нечего перебивать, начнём с чистого листа. Если посчитать честно: при семидесяти процентах загрузки за сезон я закрою почти весь долг, может даже...

Я почувствовала взгляд.

Не звук, не движение — просто кожей, будто температура воздуха за спиной внезапно изменилась на пару градусов. Кто-то смотрел на меня. Внимательно. И явно без особой радости от увиденного.

Я медленно обернулась.

* * *

У входа на террасу стоял мужчина.

Высокий — это я отметила первым, чисто рефлекторно, как отмечаешь любую крупную деталь интерьера. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято носить в переговорных комнатах. Загар настоящий, не салонный — морской, въевшийся в кожу за недели, а не за один отпуск. Льняные брюки, простая белая футболка, и в руке — маленькая чашка кофе, которую он держал двумя пальцами с таким видом, будто под полным контролем у него находилось решительно всё в радиусе видимости: терраса, остров, линия горизонта и, очевидно, я лично, включая мой телефонный разговор, который он только что прервал одним своим появлением.

Лицо у него было из той категории, про которую в другой, менее катастрофической финансовой ситуации я бы, возможно, позволила себе подумать «несправедливо хорошо». Резкое, тёмное, с тяжёлым, абсолютно спокойным взглядом — так смотрят не на человека, а на задачу, которую уже решили в уме, но пока не потрудились озвучить вслух.

Прекрасно. Именно то, чего не хватало моему расписанию: красивый незнакомец с взглядом «я уже всё про вас понял».

Папку закрыть. На дальнюю полку. Без права досрочного открытия.

— Саш, я перезвоню, — быстро сказала я в трубку.

— Там мужчина? — немедленно среагировала Саша. У неё профессиональный слух на подобные вещи, отточенный двадцатью годами дружбы со мной.

— Рабочий момент, — коротко ответила я и убрала телефон в карман.

Терраса была пустой. Море плескалось далеко внизу, равнодушное, как и положено морю. Где-то в стороне коротко крикнула чайка — будто поставила точку в конце моего телефонного монолога.

— Добрый день, — сказала я первой, выбрав максимально нейтральный, профессиональный тон.

— Вы очень громко разговариваете, — сказал он вместо приветствия.

Голос был низкий, ровный — без какой-либо интонации, которую можно было бы прямо назвать грубой. Просто констатация факта. Как будто он сообщал мне прогноз погоды: без особых эмоций, но с явными последствиями для моих дальнейших планов.

Я медленно огляделась. Пустая терраса. Пустые столики. Коста где-то внутри здания, метров в двадцати отсюда. Чайки.

— Здесь же никого нет, — заметила я с лёгкой, едва уловимой улыбкой.

— Пока, — коротко ответил он.

Одно слово — а вложений в него оказалось столько, что я мысленно потратила секунды три на их сортировку.

— Вы, наверное, господин Корсаков, — сказала я, уже примерно представляя ответ.

— А вы, должно быть, новый управляющий, — ответил он.

И в том, как именно он произнёс слово «новый» — с едва заметным ударением, будто это само по себе уже всё объясняло и не требовало дальнейших комментариев — было достаточно информации, чтобы я мысленно сделала первую пометку в воображаемом досье на этого человека.

Не обида. Просто данные. Возможно, мне они ещё пригодятся.

— Марта Лаврова, — сказала я, включая на полную мощность профессиональную улыбку, отработанную годами сложных переговоров с недовольными клиентами. — Очень приятно познакомиться.

Он посмотрел на мою улыбку с таким видом, будто читал каждый слой, спрятанный под ней.

— Корсаков, — представился он, слегка склонив голову — ровно настолько, чтобы это можно было засчитать за вежливость, и ни на градус больше. — У меня к вам одна простая просьба.

— Слушаю.

— Всё, что вы планируете тут устраивать. — Пауза, выдержанная ровно столько, сколько нужно для драматического эффекта. — Делайте это тихо.

Я медленно достала телефон, открыла приложение с заметками и, печатая вслух каждое слово, произнесла:

— Живая. Музыка. На террасе. Пятница. Суббота.

Убрала телефон обратно в карман.

— Записала, — сказала я с предельно вежливой улыбкой.

Повисла пауза — из тех, что хочется потрогать руками, настолько плотной она казалась.

И, кажется, именно в этот момент я окончательно поняла, что три месяца на этом острове точно не будут скучными.

♥# *Добро пожаловать в цикл «Вредные мужчины»!*

Здесь живут мужчины, с которыми лучше бы не связываться... но обычно героини понимают это слишком поздно.

Миллиардеры, циники, соперники, невозможные красавцы, море эмоций, опасная химия и любовь, которая всё усложняет.

Все книги цикла самостоятельные.

А если после неё захочется ещё одного вредного мужчины — обязательно загляните в роман *«Вредный подарок для миллиардера»*. ♥#

Глава 2. Боевые действия

Рабочие приехали в семь.

Я знала, что приедут в семь, потому что сама их вызвала на семь — раньше, чем просыпается большинство нормальных людей на отдыхе, но ровно тогда, когда просыпаюсь я, потому что у меня нет роскоши быть нормальным человеком на отдыхе. У меня есть три недели до начала сезона и список длиной в две страницы мелким почерком.

Бригада приехала чинить тент над террасой — тот самый, выгоревший до состояния «пыльная меланхолия». Работа шумная: молотки, перфоратор, мужские голоса, обсуждающие, под каким углом крепить новый каркас.

Терраса, если кто забыл, расположена ровно напротив виллы Корсакова.

Я об этом, разумеется, помнила. Не специально выбрала это время, чтобы его позлить — но если бы выбрала, более удачного варианта найти было бы сложно. Считайте это бонусом к основному плану.

* * *

Он появился на пороге виллы в семь четырнадцать. Босиком, в одних домашних штанах, с лицом человека, которого разбудили на середине единственного сна, который у него получалось досмотреть за последние два месяца.

Волосы растрёпаны. Взгляд такой, что мог бы прожечь дыру в новом тенте без посторонней помощи перфоратора.

Я стояла внизу с блокнотом, наблюдая за работой бригады, когда он подошёл — не торопясь, но с той скоростью, с которой подходят люди, окончательно решившие, что разговор будет неприятным.

— Это что такое, — сказал он. Не вопрос. Утверждение с явным фоновым «и какого чёрта».

— Доброе утро, — сказала я максимально жизнерадостно. — Ремонт тента. Он был в ужасном состоянии, вы наверняка замечали — выгорел, провис местами, на нём вообще страшно сидеть.

— В семь утра.

— Строители работают с семи. Это их расписание, не моё личное хобби.

— Вы могли договориться на другое время.

— Могла, — согласилась я. — Но другого времени у меня нет. У бригады заказы расписаны на три недели вперёд, я их еле уговорила втиснуть нас в график. Либо сейчас, либо тент остаётся таким до следующего лета.

Он смотрел на меня с выражением, в котором читалось примерно: «вы издеваетесь специально, или это случайно получается так удачно».

— Перфоратор с семи утра. У вас есть план уничтожить мой сон полностью методом постепенной эскалации?

— У меня есть план спасти отель за три месяца, — сказала я. — Тент входит в этот план. Извините, что он не входит в ваш режим тишины.

— Это не просто режим тишины, — сказал он, и в голосе впервые прорвалось что-то более острое, чем обычное холодное раздражение. — Это единственное, ради чего я вообще здесь нахожусь.

— А я здесь нахожусь, чтобы отель не закрылся через полгода, — сказала я, чувствуя, как у меня самой начинает закипать что-то под рёбрами. — При всём уважении к вашему режиму, господин Корсаков, моя работа важнее вашей тишины. Извините, если это звучит грубо. Это просто правда.

* * *

Перфоратор за моей спиной выбрал именно этот момент, чтобы взвыть особенно громко.

Корсаков поморщился — едва заметно, но я уже научилась за двое суток ловить эти его микродвижения.

— Вы хоть понимаете, что часть гостей, которых вы пытаетесь привлечь, как раз и ищут именно то, что я тут имел, — сказал он. — Тишину. Покой. Место, где можно дышать, не отчитываясь перед всем миром.

— Мои гости хотят красивый отель с работающим рестораном и хорошим сервисом, — сказала я. — Покой можно получить дома, бесплатно. Сюда едут за впечатлениями.

— Один впечатлительный гость уже стоит перед вами и впечатлений не просил.

— Один гость не платит мне зарплату, — отрезала я резче, чем планировала. — Платят владельцы. И платят за то, чтобы я наполнила отель людьми, а не чтобы я охраняла покой человека, который снял виллу на лето и решил, что у него есть право вето на работу целого учреждения.

Повисла пауза — та самая, плотная, которую хотелось потрогать.

— У меня есть право вето в рамках своего договора, — сказал он холодно.

— Покажите мне пункт про перфоратор, — сказала я. — Я с удовольствием перечитаю.

Что-то в его лице дрогнуло — не от смешного, а от злости, которая внезапно поняла, что юмором её не остановить.

— Вы специально это делаете, — сказал он тише, но от этого не менее жёстко. — Специально проверяете, насколько далеко можно зайти.

— Я делаю свою работу, — сказала я, чувствуя, как пульс ускоряется не от страха, а от чистого, незамутнённого раздражения. — Извините, что моя работа существует одновременно с вашим отпуском.

* * *

Он шагнул ближе — не угрожающе, но достаточно резко, чтобы я инстинктивно сделала полшага назад, и в этот момент моя нога зацепилась за моток кабеля, оставленный кем-то из бригады прямо на проходе.

Равновесие я держала ровно до того момента, как поняла, что не держу его вообще.

Падение длилось доли секунды — он среагировал быстрее, чем я успела испугаться, схватив меня за предплечье и резко дёрнув на себя. Блокнот выпал у меня из рук, листы разлетелись по плитке. Я впечаталась в его грудь — не романтично, а с глухим стуком, как впечатывается в стену человек, неудачно затормозивший на бегу.

Несколько секунд мы стояли так — его рука на моём предплечье, моя ладонь упёрта в его грудь, дыхание сбито у обоих, и, если бы кто-то посмотрел со стороны, это легко можно было бы принять за что угодно, кроме того, чем это являлось на самом деле: два очень злых человека, физически столкнувшихся посреди ссоры.

— Отпустите, — сказала я первая, хотя голос предательски дрогнул на середине слова.

— С удовольствием, — сказал он и отпустил резче, чем требовалось, будто моя кожа внезапно стала горячей сверх допустимого.

Я наклонилась за разлетевшимися листами. Он наклонился одновременно — то ли из остатков вежливости, то ли из чистого рефлекса, — и наши руки столкнулись над одним и тем же листком с планом ремонта.

Я отдёрнула руку первая.

Он — на долю секунды позже.

* * *

Мы выпрямились одновременно, оба чуть запыхавшиеся — не от падения, а от того, как быстро и горячо шёл этот разговор последние пять минут.

— Корсаков, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Давайте сразу проясним позиции. У меня нет цели специально портить вам лето. У меня есть цель спасти отель за один сезон, и я буду делать для этого всё, что считаю нужным, — включая ремонт тента в семь утра, если другого варианта нет.

— А у меня нет цели мешать вашей карьере, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на сдержанность, хотя глаза по-прежнему смотрели жёстко. — Но я заплачу за конкретные условия. Тишину. Покой. И я ожидаю, что эти условия будут хотя бы частично соблюдаться, а не уничтожаться методично каждый день под новым предлогом.

— Тогда нам обоим придётся злиться весь сезон, — сказала я, поднимая с пола последний лист. — Потому что я не собираюсь сворачивать работу ради вашего комфорта, а вы, судя по всему, не планируете уезжать.

— Не планирую, — подтвердил он.

— Замечательно. Тогда наслаждайтесь перфоратором.

Он смотрел на меня — долго, тяжело, с тем выражением, которое я уже начинала различать среди прочих его выражений: не просто раздражение, а что-то более сложное, замешанное на чём-то, чему я пока не находила точного названия.

— Вы действительно ни перед чем не остановитесь, — сказал он. Не вопрос. Полу-утверждение, полу-удивление.

— У меня нет права на провал, — сказала я прежде, чем успела подумать, стоит ли это говорить вслух. — Поэтому нет, не останавлиюсь.

Что-то в его взгляде снова дрогнуло — на этот раз медленнее, как будто он впервые услышал в моих словах не дерзость, а что-то настоящее.

Я не стала ждать продолжения этого взгляда. Развернулась и пошла к бригаде — проверить, насколько ровно они крепят новый каркас тента, оставив Корсакова стоять там, где стоял, с выражением лица человека, который только что проиграл спор, но пока ещё не готов это признать вслух.

* * *

Остаток утра прошёл в чистом, незамутнённом раздражении друг на друга — он несколько раз появлялся на террасе виллы, демонстративно с книгой, которую явно не читал, и каждый раз, когда перфоратор взывал особенно громко, я ловила на себе его взгляд через двор, полный молчаливых, но абсолютно красноречивых проклятий.

К обеду тент был готов — новый, крепкий, без единого выгоревшего пятна. Я стояла под ним, проверяя, как падает тень, когда Корсаков снова появился — на этот раз без книги, с видом человека, который пришёл сказать что-то конкретное, а не просто позлиться на расстоянии.

— Лаврова, — сказал он.

— Корсаков.

— Завтра рабочие снова приедут?

— Послезавтра, — сказала я. — Электрика на кухне. Будет ещё громче.

Он на секунду закрыл глаза — видимо, мысленно прощаясь с надеждой на тихое лето.

— Вы делаете это специально, — сказал он, но уже без прежней остроты, скорее с каким-то мрачным смирением.

— Я делаю это потому, что мне нужно, — сказала я. — А специально я делаю только одно: не отступаю, когда кто-то говорит мне «нет» без объяснения причин.

— У меня есть причины.

— Тогда назовите хотя бы одну, — сказала я, скрестив руки на груди. — Реальную. Не «я заплатил за тишину» — это не причина, это требование. Причина — это то, почему вам так отчаянно нужна именно тишина именно сейчас.

Он молчал дольше, чем требовал простой отказ.

— Это не ваше дело, — сказал он наконец, и в голосе была не грубость — что-то более глубокое, что-то похожее на стену, выстроенную давно и очень тщательно.

— Справедливо, — сказала я, хотя внутри что-то царапнуло — не обида, а странное, неуместное любопытство, которому совершенно не было места в моём расписании. — Тогда и не ждите, что я остановлю ремонт без причины, которая перевесит мой долг перед владельцами этого отеля.

Мы стояли друг напротив друга — оба упрямые, оба злые, оба явно не собирающиеся уступать ни на сантиметр.

И где-то на периферии этой злости — там, куда я старательно не смотрела, — горело что-то совершенно другое, чему я пока отказывалась давать название.

— Это будет долгое лето, — сказал он наконец, разворачиваясь к вилле.

— У меня есть только это лето, — ответила я ему в спину. — Так что да. Будет долгим. Привыкайте.

Он не обернулся. Но остановился на секунду — ровно настолько, чтобы я успела заметить.

Потом ушёл.

А я осталась стоять под новым тентом, чувствуя себя одновременно победительницей этого конкретного раунда и человеком, который только что увидел в чужих глазах нечто, совершенно не вписывающееся в карту простого служебного конфликта.

Глава 3. Без лестницы

Звонок от Виктора Аркадьевича застал меня в разгар инвентаризации постельного белья — занятие настолько увлекательное, что я искренне обрадовалась любому поводу отвлечься. Радость продержалась ровно до момента, когда я услышала его голос.

— Марта Сергеевна, — сказал он, и в этом «Сергеевна» было столько нервной формальности, что я сразу поняла: разговор будет не из приятных. — Мне тут позвонил Андрей Михайлович. Высказал некоторые опасения по поводу шума на территории.

Я замерла с простынёй в руках.

— Он позвонил вам, — сказала я медленно, чтобы убедиться, что правильно расслышала. — Не мне. Вам.

— Ну, видимо, посчитал, что так быстрее решится, — сказал Виктор Аркадьевич извиняющимся тоном человека, который прекрасно понимает, что делает что-то не очень правильное, но всё равно собирается это сделать. — Марта Сергеевна, вы должны понимать ситуацию. Андрей Михайлович снимает виллу на очень... очень хороших для нас условиях. По сути, эта аренда сейчас покрывает половину операционных расходов отеля. Если он решит съехать раньше срока...

— Если он съедет раньше срока, мы потеряем половину текущего бюджета, — закончила я за него. — Я понимаю математику, Виктор Аркадьевич. Я просто не понимаю, почему вместо того чтобы прийти ко мне напрямую, он решил пожаловаться вам через мою голову.

— Возможно, потому что напрямую с вами договориться не получается, — сказал владелец отеля с такой осторожностью, будто разминировал что-то.

— Хорошо, — сказала я, сжимая в руке многострадальную простыню так, что костяшки побелели. — Что конкретно он попросил?

— Сократить количество строительных работ в утренние часы. И, по возможности... — пауза, в которой я уже слышала, что дальше будет ещё хуже, — пересмотреть концепцию вечерних мероприятий на террасе. Хотя бы на первое время.

— Пересмотреть, — повторила я ровным голосом, который стоил мне немалых усилий. — То есть отменить.

— Скорректировать, — мягко поправил он.

Я закрыла глаза. Досчитала до пяти. Не помогло.

— Виктор Аркадьевич, — сказала я максимально спокойно, насколько это вообще было возможно при пульсе, который колотился где-то в районе ста двадцати ударов в минуту. — Если я сокращу строительные работы и сверну вечерние мероприятия, у нас не будет отремонтированной террасы и не будет ужинов, которые привлекают гостей. У нас будет тихий, спокойный, пустой отель — именно то состояние, в котором вы меня наняли его спасать.

Долгая пауза на том конце.

— Я понимаю вашу позицию, — сказал он наконец. — Просто... постарайтесь найти компромисс. Хорошо?

Компромисс. Любимое слово людей, которые хотят, чтобы кто-то другой взял на себя всю неприятную часть решения.

— Постараюсь, — сказала я, потому что других вариантов ответа в этом разговоре не существовало.

Положила трубку. Посмотрела на стопку постельного белья перед собой с такой ненавистью, будто это она была виновата во всём произошедшем.

Потом пошла искать Корсакова.

* * *

Нашла я его на пляже отеля — он сидел в шезлонге с книгой, которую, судя по неизменной странице, так и не читал последние двадцать минут, и выглядел при этом крайне довольным собой.

— Вы позвонили владельцу, — сказала я, останавливаясь напротив него и перекрывая ему вид на море ровно настолько, чтобы это считалось демонстративным.

Он поднял глаза от книги — медленно, с явным удовольствием от того, что его прервали именно тем разговором, которого он ожидал.

— Позвонил, — подтвердил он без малейшего намёка на раскаяние.

— Вместо того чтобы прийти ко мне.

— Я приходил к вам, — сказал он, откладывая книгу. — Дважды. Результат был одинаковый оба раза — вы продолжали делать ровно то, что считали нужным, независимо от моего мнения.

— Потому что моя работа не строится вокруг вашего мнения.

— А моя аренда строится вокруг конкретных условий, — сказал он, поднимаясь с шезлонга, чтобы оказаться со мной на одном уровне. Высокий, спокойный, с тем выражением лица, которое я уже начинала ненавидеть особой, персональной ненавистью — выражением человека, абсолютно уверенного в своей правоте. — Условия нарушаются. Я использовал доступные мне рычаги. Это не саботаж, Лаврова. Это бизнес.

— Это удар исподтишка, — сказала я, чувствуя, как голос предательски повышается. — Вы не пришли спорить со мной. Вы пошли к человеку, который зависит от ваших денег, и используете эту зависимость как оружие против меня лично.

— Я использую её для защиты собственных интересов, — сказал он холодно. — Так же, как вы используете каждую возможность продвинуть свой план, не спрашивая меня. Разница лишь в том, что у меня оказались рычаги эффективнее перфоратора.

Это было до отвратительного логично. И именно поэтому бесило сильнее всего.

— Поздравляю, — сказала я, разворачиваясь, чтобы уйти, потому что оставаться рядом ещё хотя бы минуту грозило мне сказать что-то, о чём я бы потом жалела. — Вы выиграли этот раунд. Наслаждайтесь тишиной, пока она у вас есть. Я найду другой способ сделать свою работу — без вашего одобрения, раз уж с ним так сложно.

— Не сомневаюсь, — сказал он мне в спину с такой спокойной уверенностью, что захотелось развернуться и сказать что-нибудь резкое.

Я не развернулась. Хватит с меня одного унижения на сегодня.

* * *

Остаток дня прошёл в попытках придумать, как переформатировать план так, чтобы не нарушать хрупкое равновесие между «спасти отель» и «не довести единственного крупного арендатора до полного бегства». Получалось плохо. Каждый вариант либо требовал шума, либо требовал времени, которого у меня не было.

К десяти вечера я сдалась на сегодня и пошла проверять территорию отеля — банальный обход, который я делала каждый вечер, чтобы видеть место глазами гостя, а не только глазами человека с блокнотом.

Старый бассейн стоял пустым уже год — облупленная плитка, трещины по дну, ржавая лестница с одной стороны, демонтированная вообще с другой, потому что её признали аварийной ещё прошлой осенью. В списке моих дел значился отдельным пунктом «бассейн — решить судьбу: ремонт или засыпать».

Я подошла к краю, посветила телефоном вниз — хотела оценить масштаб трещин, чтобы примерно прикинуть стоимость ремонта.

Спустилась по сохранившейся лестнице — буквально на пару метров, чтобы рассмотреть дно вблизи. Сфотографировала трещины. Потом ещё несколько ракурсов.

Когда я повернулась, чтобы подняться обратно, лестница со скрипом отъехала от стены ровно настолько, чтобы стать совершенно бесполезной — то ли от старости, то ли просто не выдержала собственного веса под углом, под которым я её использовала.

— Так, — сказала я вслух пустому бассейну. — Это не очень хорошо.

Я попробовала встать на нижнюю ступеньку ещё раз — лестница угрожающе закричала и не сдвинулась с места, но и подниматься по ней дальше явно не собиралась. Стены бассейна были гладкими, без единого выступа, на который можно было бы опереться. Глубина — метра два с половиной, не смертельно, но более чем достаточно, чтобы оказаться запертой без посторонней помощи.

Я посмотрела вверх. Темно, безлюдно, основной корпус отеля метрах в пятидесяти, персонал давно разошёлся.

— Отлично, — сказала я вслух. — Просто отлично.

* * *

Минут через десять безуспешных попыток подтянуться по гладкой стене я услышала шаги.

Знакомые. Неторопливые. С той характерной паузой между шагами, которая принадлежала ровно одному человеку на этом острове.

— Лаврова? — раздался сверху голос Корсакова, в котором отчётливо звучало недоумение, смешанное с чем-то подозрительно похожим на сдерживаемое веселье.

Я подняла голову. Он стоял у края бассейна, глядя вниз с выражением лица человека, которому только что подарили лучший подарок за последние два месяца.

— Я застряла, — сказала я с максимальным достоинством, на какое была способна женщина, стоящая на дне пустого бассейна в темноте.

— Вижу, — сказал он. И, помолчав ровно столько, сколько требовалось для драматического эффекта: — Как символично.

— Корсаков.

— Нет, серьёзно, — продолжил он, явно не собираясь упускать момент. — Женщина, которая два дня подряд объясняла мне, что её ничто не остановит, застряла в дырке в земле, потому что не проверила лестницу перед спуском. Это даже поэтично.

— Вы можете помочь, а не комментировать, — сказала я сквозь зубы.

Он присел на корточки у края, рассматривая меня сверху с тем самым выражением, которое я мысленно классифицировала как «развлекаюсь на полную катушку».

— Знаете, что забавно, — сказал он. — Сегодня утром вы мне доходчиво объяснили, что моя тишина не входит в список ваших приоритетов. А сейчас, кажется, мой покой — единственное, что стоит между вами и ночёвкой на дне бассейна.

— Это шантаж, — сказала я, чувствуя, как злость накатывает новой волной, смешиваясь с унижительным осознанием собственной беспомощности.

— Это наблюдение, — невозмутимо поправил он, явно цитируя мои же слова из предыдущего разговора. — Совпадение терминологии случайно.

— Корсаков, серьёзно, — сказала я, уже без всякого достоинства в голосе. — Здесь холодно, темно, и я устала. Просто принесите верёвку или позовите Косту.

Он выпрямился, отряхнул колени — медленно, с явным удовольствием продлевая момент.

— Вы знаете, — сказал он, глядя на меня сверху с высоты своего полного, абсолютного превосходства в данной конкретной ситуации, — пожалуй, оставлю вас здесь ещё минут на пять. Подумать о жизни. О лестницах. О том, что не всё в этом мире решается одной силой воли и хорошим планом в блокноте.

— Вы издеваетесь, — сказала я, не веря собственным ушам.

— Считайте это компромиссом, — сказал он, явно наслаждаясь тем, как я ловлю собственное утреннее слово, брошенное обратно мне в лицо. — Вы хотели компромисс. Вот он: я не уйду совсем. Просто не помогу немедленно.

Он отошёл на пару шагов от края — недостаточно, чтобы скрыться из виду полностью, но достаточно, чтобы я почувствовала, насколько одинокой и взбешённой одновременно можно быть, стоя на дне пустого бассейна посреди тёплой южной ночи, в окружении человека, который явно решил, что сегодняшний день имеет полное право закончиться именно так.

— Корсаков, — сказала я уже почти умоляюще, хотя ненавидела себя за каждую секунду этого тона.

Он остановился. Обернулся — медленно, и в темноте я не могла полностью разобрать выражение его лица, но что-то в его позе изменилось, стало чуть менее насмешливым и чуть более внимательным, как будто он раздумывал, не зашла ли шутка слишком далеко.

— Минута, — сказал он наконец. — И я позову Косту. Не потому что вы попросили красиво. Потому что становится прохладно, а простуженный управляющий мне на острове ещё меньше нужен, чем шумный. Вдруг вы станете еще более невыносимой, хотя куда уж.

Он развернулся и пошёл к отелю — неторопливо, без всякой спешки, оставив меня стоять на дне бассейна одну, в темноте, кипящую от злости, в которой, помимо самой настоящей ярости, пряталось что-то ещё — мелкое, неприятное и до ужаса похожее на то самое чувство, которое я категорически запрещала себе называть вслух.

«Это будет долгое лето», — подумала я, глядя ему вслед.

Кажется, я начинала понимать, насколько долгое.

Пока Марта только знакомится со своим вредным миллиардером, хочу напомнить: *«На острове с миллиардером»* — часть цикла *«Вредные мужчины»*.

Если вам нравятся герои, которые сначала ужасно раздражают, а потом заставляют сердце биться чаще, обязательно добавьте в библиотеку роман *«Вредный подарок для миллиардера»*.♥#

Глава 4. Ночь

После истории с бассейном я не спала.

Не из-за стресса — хотя стресса хватало. Не из-за Корсакова — хотя мысль о том, как он стоял наверху и наблюдал за мной с видом человека, получившего именно тот вечер, на который рассчитывал, не то чтобы добавляла покоя. Просто в час ночи на острове было тридцать градусов, вентилятор в моём номере работал со звуком умирающего комара, и в голове крутилось то самое слово, которое Виктор Аркадьевич произнёс по телефону с такой мягкой, деликатной, абсолютно разрушительной интонацией.

Компромисс.

Я лежала на спине и смотрела в потолок, и в голове у меня, помимо фонового шума тридцати градусов и хронического недосыпа, крутилась одна мысль.

Илья тоже всегда говорил про компромисс.

* * *

Это было его любимое слово — такое же оружие, как улыбка или умение смотреть собеседнику в глаза ровно столько, сколько нужно, чтобы собеседник чувствовал себя важным. Илья умел делать из компромисса подарок — как будто он жертвует чем-то своим, идя тебе навстречу, хотя по итогу всегда оказывалось, что жертвуешь ты, просто не сразу замечаешь.

Сначала это выглядело так: «Я знаю, ты хочешь взять этот проект сама, но давай я подключусь, вдвоём быстрее». Потом: «Марта, я же не говорю отказаться от твоей идеи, просто давай немного скорректируем распределение ответственности». Потом — кредит, подписанный нами обоими, с моей квартирой в залоге, потому что «нам же нечего бояться, мы вместе».

Компромисс.

Когда проект начал тонуть, Илья скорректировал распределение ответственности ещё раз. Тихо, аккуратно, в нескольких переговорах, о которых я не знала, потому что слишком была занята тем, что тонула вместе с проектом.

Самое странное было не то, что он это сделал. Люди делают такие вещи — она знала, что мир устроен именно так, ещё до Ильи. Самое странное было то, что я не видела этого три года. Три года смотрела на человека каждый день, разговаривала с ним, спала рядом, строила с ним что-то — и не видела.

Это значило либо что я была душой. Либо что он был очень хорош.

Оба варианта не нравились.

Поэтому теперь, когда кто-то умный и спокойный начинал говорить про компромисс — что-то в районе солнечного сплетения делало короткое характерное движение. Не страх.

Скорее память тела о том, чем заканчиваются компромиссы с людьми, которые знают, чего хотят, лучше, чем ты.

Я встала в час ночи, оделась и пошла работать.

* * *

На острове ночью хорошо. Это единственная вещь, в которой я была готова с ним согласиться — с Корсаковым, с его тишиной, со всей его концепцией побега от людей. Ночью здесь действительно иначе: темнота не городская, а плотная, южная, с запахом сосны и моря одновременно, и звуки другие — только волны и цикады, и небо такое, какого в городе не бывает.

Я не собиралась этим наслаждаться. У меня был план — расстановка мебели на террасе, которую я откладывала два дня, потому что днём было слишком жарко работать физически, а ещё потому что — и вот это я себе честно признала только в час ночи, когда никто не слушал — я не хотела делать это у него на глазах.

Не потому что боялась.

Потому что он смотрел. Всегда — смотрел. С того момента как я приехала, этот человек наблюдал за мной с таким вниманием, будто я была задачей, которую он пока не решил, но уже понял, какого рода. И что-то в этом взгляде — спокойном, без злобы, абсолютно уверенном — задевало меня сильнее, чем звонок владельцу. Сильнее, чем история с бассейном. Сильнее, чем я готова была признать при свидетелях.

Так что в час ночи я надела короткий сарафан — единственное, в чём не было жарко совсем, — убрала волосы, взяла планшет и рулетку и пошла двигать мебель в темноте как нормальный человек.

* * *

Терраса выглядела иначе ночью. Лучше, честно говоря — мягче, без дневного резкого света, который безжалостно показывал каждое облупившееся место, каждый выгоревший пятачок. Ночью она была просто тёмной, и море внизу было тёмным, и где-то там, за водой, мигал один далёкий огонь — лодка или маяк, не разобрать.

Я сверилась с планом. Начала с лёгкого — плетёные кресла, небольшие столики на двоих. Это шло быстро.

Потом добралась до центрального стола.

Большой, деревянный, массивный до смешного — такие столы ставят в рестораны, которые хотят сказать «мы здесь навсегда». Этот, судя по весу, действительно собирался быть здесь навсегда и мнение управляющей его не интересовало.

Я уперлась с одного торца. Толкнула.

Ничего.

Попробовала тянуть за другой.

Ножки держались за плитку с личными претензиями.

Я зашла сбоку, попробовала сдвинуть по диагонали — теоретически самый выгодный угол — и стол наконец пошёл. Сантиметр. Потом ещё. Я поднажала, почувствовала, как плитка под подошвой неожиданно скользкая — ночная влага, роса, никто не думает об этом днём, — и в один момент поняла, что теряю баланс.

Не упала — устояла, схватившись за стол обеими руками. Но стол качнулся в обратную сторону и ножка приземлилась точно мне на мизинец.

Я сказала вслух всё, что думала. Коротко, ёмко и ни на грамм не профессионально.

— Вы в порядке?

Голос раздался от входа на террасу — низкий, ровный, без единой лишней интонации. Именно тот голос, который в данный конкретный момент я меньше всего хотела слышать.

Корсаков стоял у арки — в тёмной футболке, домашних штанах, волосы растрёпаны, как будто лёг, но не спал. В руке кружка. Смотрел на меня с выражением лица человека, который только что вышел за кофе и неожиданно обнаружил, что ночь стала значительно интереснее.

— В полном порядке, — сказала я сквозь зубы, отпуская стол и выпрямляясь с видом человека, у которого всё идёт строго по плану.

— Слышно было до виллы, — заметил он, кивнув в сторону своего жилища.

— Это было тихо.

— По меркам дня — да.

Он подошёл ближе — не спрашивая, не объявляя намерений, просто подошёл, как подходят к чему-то, что вызывает профессиональный интерес. Посмотрел на стол. На разметку мелом. На мой план, лежащий на соседнем столике.

— Сорок сантиметров влево, — сказал он. Не вопрос.

— Сорок два, — поправила я автоматически. — Иначе проход слишком узкий.

Он поставил кружку на перила, зашёл с противоположного конца стола и взялся за него двумя руками.

— Я не просила, — сказала я немедленно.

— Я знаю, — сказал он, как будто это было абсолютно нейтральной информацией, никак не влияющей на то, что он делает. — Толкайте.

* * *

Мы двигали стол.

Вдвоём он пошёл легко — четыре секунды, и ножки встали ровно на разметке. Я выпрямилась, проверила по линии. Идеально.

И не отошла.

Он тоже не отошёл.

Расстояние было — угол стола между нами, может полметра воздуха, может меньше, ночью сложно определять расстояния точно. Достаточно близко, чтобы чувствовать тепло — его или воздуха вокруг него, тридцать градусов, разница несущественная. Он был выше меня на голову, и я не привыкла смотреть на людей снизу вверх — не потому что маленькая, а потому что обычно успевала поставить себя так, чтобы плоскость была ровной.

Сейчас не успела.

Он смотрел на меня — не с привычным холодным анализом и не с тем насмешливым удовольствием, с которым наблюдал за мной в бассейне. Иначе. Внимательнее. Как смотрят, когда что-то до этого не сходилось — а потом сошлось, и теперь рассматривают с другого угла.

— Вы ночью работаете, — сказал он наконец, — потому что я позвонил владельцу.

— Я ночью работаю, — сказала я, — потому что днём жарко двигать мебель.

— Это тоже правда, — сказал он. — Но не вся.

Я посмотрела на него. Он не отвёл взгляд.

— Вы перешли на ночной режим, чтобы не пересекаться со мной, — сказал он просто, без обвинения в голосе, как говорят про факты погоды. — Чтобы убрать поле, на котором я мог снова сделать ход первым.

— Или просто потому что в три утра никто не звонит владельцам, — сказала я.

— Это тоже, — согласился он. — Но вы спрячетесь хоть в бассейн — это мы уже видели — лишь бы не показать, что вас задело.

Задело. Слово как укол — точный, в нужное место, без лишней силы.

— Меня не задело, — сказала я.

— Вас задело не то, что я позвонил владельцу, — сказал он, будто не слышал. — Вас задело то, что это сработало. Что нашёлся способ замедлить вас, которого вы не предусмотрели. — Пауза. — Вы не привыкли, когда что-то идёт не по плану.

— Все привыкают к тому, что что-то идёт не по плану, — сказала я с нажимом. — Это называется жизнь.

— Нет, — сказал он, и в его голосе появилось что-то другое — не холоднее, а медленнее, как будто он выбирал слова не для удара, а потому что думал. — Не все реагируют на это переходом в ночную смену, тремя часами расстановки мебели в одиночестве и взглядом человека, которому важнее сделать всё самому, чем позволить кому-то помочь.

Тишина.

Снизу море. Цикады. Тридцать градусов, которые никуда не делись с наступлением ночи.

— Откуда вы знаете про три часа, — сказала я.

— Потому что я тоже не сплю, — сказал он. — И моя вилла выходит на террасу. Мы это уже обсуждали.

Что-то в этом было неожиданно откровенным — то, что он это сказал. То, что он вообще стоял здесь, в час с чем-то ночи, вместо того чтобы лежать в своей вилле и наслаждаться тишиной, которую он так методично отстаивал последние три дня.

Я не стала думать об этом вслух.

— Вы правы, — сказала я вместо этого, и сказала это ровно, без кавычек, без интонации капитуляции. — Я не люблю когда что-то идёт не по плану. Особенно когда это происходит из-за человека, который использует финансовый рычаг вместо прямого разговора.

— Это нормальная реакция, — согласился он. — Я сказал — защитная.

— Слабость и защита - это одно и то же.

— Нет, — сказал он. — Не одно и то же. Защита — это когда тебя уже ударили и ты ставишь руки. Слабость — это когда руки дрожат. У вас руки не дрожат.

Я смотрела на него.

Это был странный момент — странный, потому что мы стояли очень близко на очень тёмной тёмной террасе, и он только что сказал мне что-то, что не было ни выпадом, ни манипуляцией, и я не знала, как на это реагировать в рамках привычной системы координат.

Илья никогда не говорил мне ничего подобного.

Илья говорил «ты такая сильная», но это всегда было предисловием к «поэтому ты справишься, если я вот тут немного скорректирую условия». Комплимент как анестезия перед процедурой.

То, что сказал Корсаков, звучало иначе. Без предисловия. Без продолжения. Просто факт, который он констатировал, как констатировал всё остальное — спокойно, без ожидания благодарности.

Это было хуже, чем если бы он снова что-нибудь сказал про компромисс.

* * *

Я отошла.

Один шаг назад — к планшету, к разметке, к плану на следующие столики. Потом второй — под предлогом проверки угла, который и так был виден отовсюду.

— Спасибо за стол, — сказала я, не поворачиваясь. — Теперь справлюсь.

Пауза.

— Спокойной ночи, Лаврова, — сказал он. Ни насмешки, ни укора. Просто сказал.

— Спокойной, — сказала я в планшет.

Шаги. Потом тишина. Потом тишина стала той самой, которую он два месяца покупал на острове и которую я последние три дня систематически уничтожала.

Я стояла у перил, смотрела на море и ждала, пока злость вернётся на место. Злость — понятное, рабочее чувство. С ней я умею. Злость не задаёт вопросов, не стоит в полуметре в тёмной ночи и не говорит точных вещей про то, как ты устроена.

Злость вернулась. Только направлена она была не туда.

Не на него — за то, что позвонил владельцу.

Не на владельца — за то, что поддался.

Не на ситуацию — которая и без того была сложной.

На себя. За то, что отошла первой.

За то, что он это заметил — я была в этом уверена.

И за то — самое неудобное — что его слова про руки, которые не дрожат, я запомнила дословно, слово в слово, хотя слышала их тридцать секунд назад и уже должна была забыть.

Илья за три года ни разу не сказал мне ничего, что я запомнила дословно.

Это была плохая мысль. Именно такие мысли в час ночи на пустой террасе и разрушают все планы.

Я открыла планшет. Взяла рулетку.

Осталось ещё четыре столика.

Работать — это единственное, что гарантированно помогает в любом состоянии. Проверено восемью годами практики и одним очень дорогостоящим уроком о том, что всё остальное — люди, обещания, компромиссы — имеет обыкновение подводить в самый неподходящий момент.

Четыре столика. Потом домой. Потом поспать хотя бы три часа.

Всё остальное — не сегодня.

Глава 5. Первые гости

Неделю мы не разговаривали.

Не потому что помирились — это было бы слишком просто. Просто установилось что-то вроде вооружённого нейтралитета: он не звонил владельцу, я не включала музыку громче договорённого, мы пересекались на территории раз в день максимум и обменивались кивком, несущим примерно такой смысл: «ты здесь, я здесь, ни один из нас пока не сделал ничего достаточно провокационного для следующего раунда».

Это было что-то среднее между перемирием и взаимным холодным игнорированием.

Меня это устраивало.

Я работала.

* * *

Соцсети я вела сама — с первого дня, потому что нанять smm-специалиста в моём бюджете значило отказаться от чего-то другого, а я не собиралась ни от чего отказываться. Поэтому каждое утро я вставала, фотографировала что-нибудь красивое до того, как жара делала воздух дрожащим, и придумывала подписи.

Оказалось, я в этом неплоха.

Море на рассвете с чашкой кофе на перилах — семьдесят два лайка за день. Никос за работой, в профиль, с огнём под сковородкой — сто четыре. Закат над бухтой с подписью «забронируйте столик, пока мы не заполнились» — и мы заполнились. Не полностью. Но первые три брони за неделю — это уже не ноль, а это уже не «умирающий отель на острове», это «отель, который просыпается».

Виктор Аркадьевич позвонил сам.

— Марта Сергеевна, — сказал он с интонацией человека, которому приятно было ошибиться. — Я вижу статистику бронирований.

— Вижу, что вы видите, — сказала я. — Это только начало.

— Господин Корсаков больше не жаловался.

— Вот и хорошо, — сказала я. — Значит, мы нашли рабочий баланс.

Баланс заключался в том, что я научилась генерировать шум в строго отведённое время и делать из этого шума контент. Строительные работы — это не просто стройка, это «мы обновляемся ради вас». Новое меню Никоса — это дегустация, которую я сняла целиком и выложила тремя частями. Герань, которую я наконец купила и посадила в горшки — это «детали, которые делают место домом».

Три тысячи подписчиков за неделю. С нуля.

Я смотрела на это число каждый вечер и думала про цифру в записке «Долг».

* * *

На восьмой день приехали первые нормальные гости.

Не те случайные двое из первой брони — пожилая пара, которая нашла нас через агрегатор и которой, кажется, было в целом всё равно, где останавливаться. Эти приехали по соцсетям — я видела это по тому, как они фотографировали всё подряд с первой секунды, как голодные после зимы.

Их было четверо. Две девушки и два мужчины, лет двадцать пять — тридцать, из тех, что ездят не за пляжем, а за контентом и ощущениями.

Один из мужчин — высокий, светловолосый, с той непринуждённой самоуверенностью загорелого красивого человека, который привык, что его замечают — подошёл к стойке первым и улыбнулся мне так, будто мы были уже немного знакомы.

— Вы та самая управляющая из инстаграма? — спросил он. — Та, которая пишет про детали?

— Та самая, — подтвердила я.

— Тогда я приехал правильно, — сказал он.

Это был флирт — лёгкий, необязательный, из тех, которые не претендуют ни на что большее, чем хорошее настроение на ближайшие несколько часов. Я умею с таким работать. Это называется «гостеприимство» и является частью моих должностных обязанностей.

— Виталий, — представился он.

— Марта, — сказала я. — Добро пожаловать в «Белую бухту».

* * *

День шёл хорошо.

Гости купались, фотографировали, хвалили еду — Никос сиял так, как, видимо, не сиял несколько лет. Виталий периодически оказывался рядом со мной совершенно случайным образом, то спрашивал про маршруты на острове, то интересовался историей отеля, то просто стоял рядом у перил и смотрел на море с видом человека, которому не с кем разделить такой приятный вид. Это было даже мило.

Я не возражала. Было приятно — не в романтическом смысле, а в том смысле, что приятно, когда кто-то разговаривает с тобой, а то уж совсем одичать можно.

Идея пришла ко мне где-то в середине второго часа, пока Виталий рассказывал мне что-то про предыдущий остров, где они были, и как там было скучно.

— Скучно? — переспросила я.

— Красиво, — сказал он. — Но мертво. Вечером вообще заняться нечем.

Я посмотрела на террасу. На море. На закатный свет, который уже начинал делать всё золотым.

— У нас будет чем заняться вечером, — сказала я. — Дайте мне час.

* * *

Час я провела, разговаривая по телефону с тремя людьми одновременно — Никосом по поводу меню, местным музыкантом, которого мне дал Коста («он играет на баузуки, очень хороший»), и блогером с сорока тысячами подписчиков, которая три дня назад написала мне в директ «хочу к вам на обзор».

Блогеру я написала: «Приезжайте в эту пятницу. Будет мероприятие».

Мероприятия ещё не существовало. Но оно должно было существовать к пятнице, потому что я только что пообещала.

Открыла новый пост в соцсетях, написала:

«В эту пятницу — закрытый вечер на террасе «Белой бухты». Живая музыка, ужин по сезонному меню, закат над бухтой и только восемнадцать мест. Если хотите попасть — пишите в директ прямо сейчас, первым восемнадцати — цена раннего бронирования».

Восемнадцать — потому что меньше создаёт дефицит, а больше — шум. Восемнадцать — это ровно тот размер, при котором Корсаков не сможет сказать, что это фестиваль.

Нажала «опубликовать».

Через сорок минут у меня было двадцать четыре заявки.

Я перечитала их, выбрала восемнадцать, сделала лист ожидания из шести, написала Никосу «нам нужно обсудить меню на пятницу» и только потом позволила себе почувствовать то, что чувствовала последние сорок минут.

Кажется, это называется «это работает».

* * *

Виталий нашёл меня на террасе уже вечером, когда я расставляла свечи для первого нормального ужина — не для мероприятия ещё, просто для сегодняшних гостей.

— Вы весь день носитесь как будто вас преследуют, — сказал он, садясь на перила рядом и разворачиваясь лицом ко мне. — Это нормально — так работать?

— Для меня нормально, — сказала я.

— А отдыхать вы умеете?

— Умею, — сказала я. — Просто сейчас неподходящее время.

— Когда подходящее?

— Через три месяца, — сказала я, и он засмеялся — легко, без сарказма.

— Тогда хотя бы выпейте с нами вина, — сказал он. — Вы это заслужили за день.

Он смотрел на меня — прямо, без попытки притвориться, что не смотрит. Это было просто, открыто и необременительно, и в другой жизни, без долга в полтора миллиона и без нервного тика при слове «компромисс», я бы, наверное, выпила это вино.

— Может быть, — сказала я. — После того как закончу со свечами.

— Я подожду, — сказал он.

* * *

Не знаю, в какой именно момент появился Корсаков.

Он просто был — у входа на террасу, с привычным видом человека, который никуда не спешит и ни перед кем не отчитывается. Посмотрел на расставленные столики. На свечи. На Виталия, сидящего на перилах в полутора метрах от меня.

Потом на меня.

Что-то в его лице не изменилось — в том смысле, что оно осталось таким же спокойным, каким всегда было. Но что-то в нём появилось. Я не умела это назвать точно. Что-то похожее на холод, который бывает не от температуры, а от решения.

— Добрый вечер, — сказал он, адресовав это пространству между мной и Виталием — одинаково вежливо, одинаково ни к кому конкретно.

— Добрый, — сказала я.

Виталий кивнул с видом человека, которому незнакомцы на чужих террасах в целом не мешают жить.

Корсаков подошёл ко мне — не к нам, ко мне — и остановился достаточно близко, чтобы говорить тихо, и именно тихо заговорил:

— Мне нужно обсудить пятницу.

— Что именно вас интересует в пятницу? — спросила я тем же тихим тоном.

— Количество людей. Уровень шума. Время окончания.

— Восемнадцать человек. Живая музыка, акустика. До двадцати двух сорока пяти, как договорились.

— Восемнадцать человек плюс музыкант — это уже девятнадцать.

— Математика верная, — согласилась я. — Музыкант сидит, не танцует.

— Лаврова, — сказал он. Тихо. И в том, как он произнёс мою фамилию — без вопроса, без обвинения, просто произнёс, как произносят что-то, что держат в зубах — было что-то, что заставило меня повернуться к нему полностью, а не в три четверти.

— Корсаков, — сказала я.

Он смотрел на меня. Потом — один короткий, абсолютно произвольный взгляд в сторону Виталия, который всё так же сидел на перилах и смотрел на море с видом человека, не следящего за происходящим.

Потом обратно на меня.

— Восемнадцать человек создадут уровень шума, несовместимый с тем, за что я платил, — сказал он.

— Мы договорились о музыке до без четверти одиннадцать, — сказала я. — Я выполняю условия.

— Вы расширяете трактовку условий каждый раз, когда вам удобно.

— Я развиваю отель, — сказала я. — Это моя работа. Если вас устраивала ситуация два месяца назад — возможно, вам нужен был не отель, а пустой остров в открытом море.

— Возможно, — сказал он ровно.

Мы стояли достаточно близко — я не отступила, хотя он снова сократил расстояние до того, которое в переговорной назвали бы нарушением личного пространства. Тридцать градусов никуда не делись, хотя солнце давно ушло. Воздух между нами был плотным — как всегда, как с первого дня, только сейчас я перестала делать вид, что не чувствую этой плотности.

— Вам не нравятся гости, — сказала я тихо, глядя прямо на него. — Конкретные.

— Мне не нравится шум.

— Шума пока нет. Музыка начнётся в пятницу. Сейчас тихо.

— Сейчас тихо, — согласился он.

— Тогда что именно вас раздражает прямо сейчас?

Пауза.

Он не ответил. Не сразу. Посмотрел на меня с таким выражением, в котором что-то боролось с чем-то другим — и я достаточно хорошо успела изучить его лицо за эту неделю, чтобы увидеть этот момент, хотя видела его впервые.

— Нарушение условий договора, — сказал он наконец.

— Это не ответ на мой вопрос, — сказала я.

— Это единственный ответ, который я собираюсь давать.

* * *

Вот тогда он и подошёл вплотную.

Не быстро — медленно, с той намеренной неторопливостью, которая хуже любой спешки, потому что даёт время понять, что происходит, и не сделать ничего, чтобы это остановить. Я стояла у перил, он — между мной и террасой, и расстояния между нами больше не было никакого — ни вежливого рабочего, ни любого другого.

Он был выше меня на голову. Я это уже знала. Но сейчас это ощущалось иначе — физически, в районе груди, где что-то сделало короткий тупой удар и замолчало.

— Лаврова, — сказал он тихо — так тихо, что Виталий в пяти метрах точно не слышал. — Вы умный человек. Вы прекрасно понимаете, что каждое новое мероприятие, каждая новая бронь, каждый новый человек на этой террасе — это ещё один шаг к ситуации, в которой я уеду досрочно. Вы это понимаете?

— Понимаю, — сказала я, не отодвигаясь.

— И всё равно продолжаете.

— Продолжаю.

— Почему?

— Потому что у меня нет права на провал, — сказала я. — Мы это уже обсуждали.

Что-то в его лице дрогнуло — то самое, что иногда дрогало, когда я говорила что-то, чего он не ожидал. Не от информации — от тона. От того, как именно я это сказала — без пафоса, без жалости к себе, как факт.

— И никто вам не поможет, — сказал он. Тоже тихо. Тоже без пафоса.

— Я не просила помощи.

— Знаю.

Мы стояли так — близко, в тёплом вечернем воздухе, с морем за моей спиной и Виталием в пяти метрах, который всё так же не смотрел в нашу сторону, и это молчание было другим — не тем злым молчанием первых дней и не тем плотным ночным молчанием у стола. Это было молчание двух людей, которые одновременно поняли что-то, ни один из которых не собирался называть это вслух.

— Отойдите, — сказала я первой.

Он отошёл. Сразу — без паузы, без вопроса, без попытки задержаться хотя бы на секунду.

Это было хуже, чем если бы он остался.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной, — сказала я.

Ушёл. Без спешки. Такой же тёмный, тихий, абсолютно непрочитываемый, как в первый день.

* * *

Виталий оказался рядом через минуту.

— Это кто был? — спросил он с лёгким интересом человека, который всё-таки смотрел.

— Гость, — сказала я.

— Проблемный?

— Очень, — сказала я.

Виталий помолчал секунду, потом улыбнулся — легко, без претензий.

— Вино ещё в силе, — сказал он.

Я посмотрела на море. На тёмную воду, на мигающий вдали огонь. На пустой шезлонг у виллы, где Корсаков сидел по вечерам и читал книги, которые не читал.

— Да, — сказала я. — Налейте мне.

* * *

Вино было хорошим. Разговор был лёгким. Виталий оказался архитектором из Москвы — умным, с чувством юмора, из тех людей, с которыми интересно разговаривать именно потому, что они не пытаются выиграть разговор.

Я слушала, отвечала, смеялась в нужных местах.

И параллельно, в фоновом режиме, который я не могла выключить при всём желании, прокручивала одно и то же: как он подошёл, как стоял близко, как отошёл — сразу, без сопротивления, ровно в ту секунду, когда я попросила.

Это было правильно. Это было именно то, чего я просила.

Почему тогда это ощущалось как потеря?

Я выпила второй бокал быстрее, чем первый.

— Расскажи мне про пятницу, — сказал Виталий. — Мы ещё будем здесь. Успеем попасть на мероприятие?

— Если запишетесь прямо сейчас, — сказала я, — то да.

Он засмеялся и достал телефон.

Я тоже достала телефон — не чтобы записать его, а чтобы посмотреть на статистику поста. Двадцать восемь заявок к этому моменту. На восемнадцать мест.

Я написала Косте: нам нужны ещё два столика и дополнительный запас свечей.

Потом написала блогеру: пятница подтверждена, приезжайте к семи.

Потом открыла новый пост, написала: «Все места на пятницу заняты. Открываем лист ожидания на следующую дату» — и приложила фотографию террасы со свечами, которую сделала час назад.

Через двадцать минут в листе ожидания было тринадцать человек.

Я смотрела на это число и чувствовала что-то острое и горячее в груди — не то, что чувствовала, когда Корсаков стоял вплотную, совсем другое, более понятное и надёжное.

Это называется «я справляюсь».

Это называется «у меня получается».

Это называется «ещё один шаг к цифре, и квартира останется моей».

Всё остальное — в очередь. Там разберёмся.

Глава 6. Платье не для него

Пятница началась в четыре утра с того, что я лежала с открытыми глазами и мысленно проверяла список в двадцать третий раз.

Музыкант — подтверждён, приедет к шести. Никос — меню согласовано, продукты с утреннего улова уже ждут в холодной зоне. Свечи — закуплены, расставлены вечером, Коста проверил. Блогер Аня — написала вчера «буду в семь, жду», это значит будет в семь пятнадцать. Восемнадцать гостей, из которых четверо уже живут в отеле — включая Виталия, который напомнил о себе позавчера и вчера, так, мимоходом, как напоминают о себе люди, которые не хотят казаться настойчивыми, но всё равно являются.

Список был в порядке. Голова не выключалась.

В половине пятого я встала, поставила кофе и открыла ноутбук — ещё раз проверить посадочный план. Всё было правильно. Я закрыла ноутбук и пошла смотреть в окно на море, потому что делать больше было нечего, а лечь уже смысла не имело.

Море было серое и спокойное. Вилла — тёмная.

Я сделала себе ещё кофе и пошла готовиться.

* * *

Платье я привезла с собой из Москвы — не специально для этого вечера, просто бросила в чемодан на всякий случай, «вдруг понадобится». Тёмно-синее, без рукавов, с открытой спиной и длиной ровно до колена — из тех платьев, которые работают и на деловом ужине, и на чём угодно ещё, если правильно собрать волосы.

Я достала его из шкафа, повесила на дверь и некоторое время смотрела на него как на аргумент в споре, который пока не начался.

Потом сказала себе: это для работы. Я управляющая на первом большом мероприятии. Я обязана выглядеть хорошо — это часть образа, часть того впечатления, которое «Белая бухта» должна производить. Блогер будет фотографировать всё, включая меня. Это не про платье. Это про отель.

Это была правда. Не вся, но правда.

Я сделала то, чего не делала ни разу за прошедшие две недели — нормальный макияж, не просто тушь в пять минут. Потратила на это полчаса. Убрала волосы так, как убираю на важных встречах — не в хвост, а как-то сбоку, с несколькими выбившимися прядями, которые должны выглядеть случайными, хотя за ними стоит конкретная технология.

В зеркало я смотрела ровно столько, сколько нужно было для технической проверки. Не дольше.

Взяла планшет, блокнот, телефон.

Вышла работать.

* * *

Вечер получился именно таким, каким я его придумала — и немного лучше.

Баузуки зазвучал в половине восьмого, когда солнце ещё только начинало садиться и терраса была залита тем самым золотым светом, который я каждый вечер фотографировала, но который в живую всегда выглядел иначе — теплее, плотнее, как будто его можно потрогать. Восемнадцать человек расселись по столикам, Никос выдавал тарелки одну за другой, и каждая тарелка — рыба с утреннего улова, равиоли с рикоттой, осьминог на углях — была именно тем, чем должна была быть: едой, ради которой захочется вернуться.

Аня-блогер снимала всё. Буквально всё — еду, свечи, музыканта, вид на бухту, гостей, которые не возражали, меня, когда я этого не ожидала. Она сделала это профессионально — один кадр, пока я разговаривала с кем-то, повернувшись вполборота, с морем за спиной и свечой рядом.

— Можно сразу в сторис? — спросила она.

— Пожалуйста, — сказала я.

Через двадцать минут мне написали сорок три человека с вопросом про бронирование.

Я ответила всем одинаково: «Следующее мероприятие — через неделю. Лист ожидания здесь». Ссылка на форму, которую я сделала накануне на коленке.

Через час в листе было шестьдесят человек.

Я смотрела на это число и чувствовала что-то острое и точное — то, что бывает, когда что-то, во что ты верила в одиночестве, начинает верить в себя само.

* * *

Виталий появился рядом ровно тогда, когда я позволила себе выдохнуть и на пять минут перестать быть управляющей.

— Вы сегодня другая, — сказал он, садясь напротив с бокалом.

— Я каждый день другая, — сказала я.

— Нет. — Он смотрел на меня с тем же открытым, необременительным вниманием, что и раньше. — Обычно вы — человек со списком. Сейчас вы — человек на вечеринке.

— Это моя вечеринка, — сказала я. — Я не могу быть на ней просто гостем.

— Можете — вот сейчас, вот эти пять минут. — Он чуть наклонил голову. — Вы красивая, когда не думаете одновременно про десять вещей.

Это было прямо. Не грубо, не навязчиво — просто прямо, как говорят люди, которым нечего скрывать.

— Спасибо, — сказала я. И не добавила ничего, что сделало бы из этого продолжение.

Он улыбнулся — понял, не обиделся. Хороший человек. Именно это было немного жаль.

* * *

Примерно в девять я поймала себя на том, что смотрю в сторону виллы.

Не специально. Просто взгляд ушёл туда — между разговором с Аней и следующим столиком, в ту короткую паузу, когда можно было смотреть куда угодно, и я посмотрела туда.

Вилла светилась — одно окно, то самое, которое я уже знала наизусть, потому что оно светилось каждый вечер примерно до полуночи. Значит, он был там. Значит, слышал музыку, голоса, смех — именно тот уровень присутствия живых людей, который, по его словам, был несовместим с тем, за что он платил.

Он не вышел.

Я отвела взгляд.

Разговор с Аней продолжился, следующий столик подождал ещё минуту — всё шло нормально. Всё шло отлично, если быть точной. Первое мероприятие, живая музыка, полная терраса, блогер с сорока тысячами подписчиков уже постит нас в сторис, Никос сияет как начищенный котёл.

Всё было именно так, как я планировала.

Я не понимала, почему это казалось немного менее, чем должно было казаться.

* * *

Аня осталась дольше других — в том смысле, что после ужина переместилась с бокалом к перилам и фотографировала ночное море, пока её спутница разговаривала с музыкантом. Я подошла — сказать спасибо за публикации, обсудить следующий визит.

— Кстати, — сказала Аня, убирая телефон. — Я не сразу поняла, когда бронировала, а потом дошло. Тут же Корсаков живёт?

Я смотрела на неё.

— В смысле? — сказала я осторожно, хотя уже примерно понимала ответ.

— Ну, Андрей Корсаков. «Архипелаг». — Она чуть пожала плечами, как пожимают, когда говорят об очевидном. — Я видела его фото — он тут был, несколько месяцев назад кто-то из местных снял, слух дошёл. Вы его видели?

— Он снимает виллу, — сказала я нейтрально. — Долгосрочно.

— Господи, — сказала Аня. Не испуганно — с тем специфическим восторгом человека, который получил неожиданный бонус к уже хорошей истории. — Прямо здесь? Я думала, он вообще... ну, исчез. После всего этого.

— После чего?

Аня посмотрела на меня.

— Вы не знаете?

— Расскажите, — сказала я, и постаралась, чтобы в этом «расскажите» не было ничего, кроме вежливого профессионального интереса к собеседнику.

* * *

Аня рассказала.

Не всё — она знала то, что знали все, кто читал деловые медиа и светскую хронику в прошлом году. Но этого «всего» было достаточно.

«Архипелаг» — семнадцать ресторанов, две звезды Мишлен, один из самых узнаваемых гастрономических брендов в стране. Корсаков строил это двенадцать лет. Двенадцать — с одного ресторана в двадцать столиков до группы, у которой были очереди за три месяца вперёд.

Восемь месяцев назад он продал всё. Разом. Крупному холдингу.

— За огромные деньги, — сказала Аня, — но это же не в деньгах дело, правда? Там же двенадцать лет. Люди думали, что он просто устал и отдыхает, потом начали появляться слухи что-то пошло не так — но конкретно никто не знал. Он не давал никаких комментариев. Вообще. Ни одного интервью, ни одного поста.

— А почему продал? — спросила я. Всё так же — нейтрально, профессионально.

Аня чуть помолчала — не потому что не знала, а потому что выбирала, как сказать.

— Официально — стратегическое решение, — сказала она. — Неофициально — говорили про личный кризис. Выгорание. Ещё говорили про какую-то женщину — бывшая, кажется. Она дала интервью где-то, сказала что он «изменился» и «ушёл от всего, что они строили вместе». Но это всё слухи, я не знаю, насколько правда.

— Понятно, — сказала я.

— Он красивый, кстати, — добавила Аня с лёгкой улыбкой. — Я видела его на каком-то открытии, года два назад. Из тех, которые...

— Да, — перебила я. — Из тех.

Аня засмеялась и не стала продолжать — почувствовала, что тема закрыта, или решила, что уже достаточно.

Мы поговорили ещё немного про следующую публикацию. Потом она ушла — лёгкая, с хорошим настроением, с новыми подписчиками на своей странице за сегодняшний вечер.

Я осталась стоять у перил.

* * *

Двенадцать лет.

Я считала это число, пока убирала последние свечи после того, как разошлись гости. Это не проект, который идёт не так, это не кредит, который повис на шее. Двенадцать лет — это когда что-то становится тобой, а не просто твоим.

И потом продать это. Всё разом. И уехать на остров.

Не потому что трус. Это я поняла как-то быстро, без долгих размышлений — просто поняла и всё. Не потому что проиграл. Потому что что-то сломалось внутри, и иначе было не починить.

Я это знала. Не из его жизни — из своей. В меньших масштабах, с другими цифрами, но то ощущение, когда то, во что ты вложила себя, перестаёт быть твоим — это я знала.

Это укололо меня неприятно, потому что было проще думать о нём как о человеке, у которого денег больше, чем проблем.

Проще — не значит честно.

И ещё было кое-что, что кольнуло отдельно и совсем уже некстати.

Женщина, которая дала интервью.

«Ушёл от всего, что мы строили вместе».

Это значит — был кто-то, с кем он строил. Был кто-то достаточно близко, чтобы знать как он изменился. Был кто-то, кому он оказался должен объяснение, которого не дал, а вместо этого уехал на остров.

Я не знала, почему это мне неприятно.

Точнее — знала. Просто не хотела знать, что знаю.

* * *

Виталий ушёл последним — сказал «спокойной ночи» просто, без попыток задержаться или переформатировать вечер во что-то большее. Это мне понравилось в нём окончательно и бесповоротно — умение уйти вовремя.

Я осталась одна на террасе.

Убирала свечи, считала стулья, смотрела на море.

Вилла всё ещё светилась.

Я не считала, сколько времени смотрела на это окно — достаточно, чтобы понять, что смотрю. Достаточно, чтобы почувствовать то, что почувствовала: что-то между разочарованием и раздражением на себя за это разочарование, смешанное с новой информацией про двенадцать лет и кого-то, кто дал интервью.

Ты не пришёл, сказала я ему мысленно. Я сделала вечер, о котором ты жаловался заранее. Музыка до двадцати двух сорока пяти, как договорились. Восемнадцать человек. Никаких нарушений договора.

Ты не пришёл, и это правильно, это именно то, что нужно, это именно тот уровень присутствия в моей жизни, который должен быть у дорогого проблемного гостя в первой вилле.

Именно.

Свет в окне погас в полночь.

Я дотушила последнюю свечу, взяла планшет и пошла к себе.

В листе ожидания на следующую пятницу к этому моменту было семьдесят восемь человек.

Я смотрела на это число и думала о том, что завтра нужно будет написать Виктору Аркадьевичу про бюджет на следующий месяц, и что Никосу нужно обсудить поставщиков, и что у меня кончаются свечи, и что надо купить ещё.

Думала о рабочем. Только о рабочем.

Про двенадцать лет и закрытое окно не думала.

Совсем.

Глава 7. Новые условия

Он остановил меня у входа в ресторан в среду утром.

Не подошёл, не окликнул — просто оказался на пути так, что обойти было бы уже демонстративно. В руках — привычная кружка, на лице — выражение человека, который принял решение и теперь пришёл его озвучить.

— Лаврова. — Он кивнул в сторону пустой террасы. — Есть время?

— Пять минут, — сказала я. — Никос ждёт обсуждения меню на эту пятницу.

— Хватит.

Мы вышли на террасу. Утром она была пустой и красивой — свежая, с запахом моря и кофе, столики расставлены, свечи уже на местах. Я смотрела на это каждое утро и каждый раз думала одно и то же: вот это работает. Вот это — то, ради чего стоило.

Корсаков на террасу не смотрел. Смотрел на меня.

— В прошлую пятницу у вас было двадцать один человек, — сказал он. — Мы договорились на восемнадцать.

— Двое гостей пришли с партнёром, про которого не предупредили заранее. Я не могла выставить людей за дверь.

— Это нарушение договорённостей.

— Это форс-мажор, — сказала я. — Который не повторится.

— Лаврова. — Пауза. — У нас проблема. Не только на прошлую пятницу — системная. Отель растёт. Количество людей растёт. Уровень шума растёт. То, о чём мы договаривались месяц назад, уже не соответствует тому, что происходит сейчас.

Это было справедливо. Я не стала спорить с этим конкретным тезисом.

— Согласна, — сказала я. — Поэтому предлагаю встретиться втроём с Виктором Аркадьевичем и пересмотреть условия.

— Я уже назначил встречу, — сказал он. — Сегодня в шесть.

Конечно назначил.

— Хорошо, — сказала я. — В шесть.

* * *

Четыре часа мне хватило. Едва.

Я позвонила Саше в обед — просто чтобы думать вслух, пока хожу по территории.

— Он снова пошёл к владельцу, — сказала я.

— Сколько раз уже?

— Третий.

— Он настойчивый, — сказала Саша.

— Он методичный, — поправила я. — Это хуже.

— Ты его боишься?

— Я его не боюсь. Я боюсь что он заставит владельца ограничить мероприятия, а мероприятия сейчас — это единственное что реально двигает цифры. Если мы откатываемся обратно к восемнадцати местам и двум событиям в неделю, я не выйду на бонус.

— Тогда дай ему что-то взамен.

— Что именно?

— Что ему нужно?

Я остановилась. Мы с Сашей уже ходили по этому кругу неделю назад. Ему нужна тишина. Пространство. Отсутствие людей.

Я посмотрела в сторону моря. Туда, где за линией горизонта был маленький приватный остров — тот самый, который я теперь собиралась превратить в платный выезд.

Я думала про домик на острове.

Старый, но крепкий — я была там дважды с тех пор как приехала, проверяла состояние. Фундамент в порядке. Кровля требует замены. Внутри — чисто, но голо. Месяц работы, может меньше, если правильно нанять людей.

— Саш, я перезвоню, — сказала я.

— Ты что-то придумала?

— Кажется, да.

* * *

В шесть вечера мы сидели в маленьком кабинете управляющего — Виктор Аркадьевич во главе стола, Корсаков слева, я напротив с планшетом и двумя распечатанными страницами.

Виктор Аркадьевич выглядел как человек, которому очень неловко, но который при этом понимает, что деваться некуда.

— Андрей Михайлович поднял ряд вопросов, — начал он дипломатично.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому пришла с предложением.

Виктор Аркадьевич замолчал с видом облегчения. Корсаков чуть наклонил голову — тот жест, который я уже расшифровала как «слушаю, но не обещаю».

Я положила первый лист.

— Сначала — цифры. За три недели загрузка выросла с двадцати трёх до восьмидесяти двух процентов. Бронирования на следующий месяц — семьдесят восемь процентов и продолжают расти. — Я смотрела на обоих. — Это происходит именно потому что работают мероприятия. Если мы их ограничиваем — теряем импульс. Восстановить его потом будет в несколько раз дороже.

— Понимаю, — сказал Виктор Аркадьевич тоном «да, но».

— Поэтому я не предлагаю ограничивать мероприятия, — сказала я. — Я предлагаю другое.

Я положила второй лист.

— Домик на приватном острове. Вы его знаете — он там с шестидесятых, использовался для романтических выездов до тех пор, пока маршрут не забросили. Фундамент в порядке, кровля требует замены, внутри нужна полная отделка. — Я смотрела на Корсакова. — Я предлагаю переоборудовать его в полноценную виллу. Отдельный генератор, нормальная сантехника, хорошая мебель — не отельная, настоящая. С верандой на воду. Полная изоляция — никаких гостей, никакого трафика, только то, что вы сами туда привезёте.

Тишина.

— Сроки? — спросил Корсаков. Голос ровный. Непроницаемый. Но он не сказал «нет» — это я отметила сразу.

— Четыре недели, — сказала я. — Может три с половиной, если не будет задержек со стройматериалами.

— А до этого?

— До этого вы остаётесь на нынешней вилле, мероприятия — не более двадцати человек, как сейчас. Это временное ограничение, которое снимается в момент вашего переезда. После переезда — никаких ограничений ни по количеству гостей, ни по расписанию.

Виктор Аркадьевич переводил взгляд с меня на Корсакова и обратно с видом человека, который хотел бы понять, что сейчас происходит, но боится спрашивать.

— Кто финансирует ремонт? — спросил Корсаков.

— Отель несёт расходы на стройматериалы и работы, — сказала я. — Виктор Аркадьевич, это инвестиция — после того как Андрей Михайлович съедет, у нас будет готовая премиальная вилла для аренды. Отдельный продукт, отдельная аудитория, другой ценовой сегмент.

Виктор Аркадьевич кивнул медленно. В его взгляде появилось что-то похожее на осторожный интерес.

— Аренда острова плюс вилла, — сказал он.

— Именно.

— А сейчас, пока строится, — сказал Корсаков, — ограничение двадцать человек.

— Двадцать, — подтвердила я. — Три мероприятия в неделю максимум.

— Два, — сказал он.

— Два полных вечерних плюс одно дневное. Бранч — принципиально другая аудитория, другой шум, другое время.

Пауза.

— Принято, — сказал он.

— И один выезд на остров в неделю по новому маршруту — пока идёт стройка, гости видят процесс, это тоже контент.

— Нет, — сказал он. — Пока стройка — никакого трафика туристов на остров.

— Тогда без трафика на остров, — согласилась я. — После готовности виллы — один выезд в неделю плюс ваша вилла неприкосновенна.

— Договорились, — сказал он.

Виктор Аркадьевич перевёл дыхание.

— Отлично, — сказал он. — Это разумное решение.

* * *

Виктор Аркадьевич ушёл быстро — с видом человека, который не хочет ждать пока что-нибудь изменится. Мы с Корсаковым остались вдвоём у стола с двумя листами бумаги между нами.

Он не встал сразу.

— Четыре недели реальный срок? — спросил он.

— Реальный, если всё пойдёт по плану.

— У вас всё идёт по плану?

— Почти всё, — сказала я.

Он смотрел на меня — с тем своим привычным спокойным вниманием, которое я перестала воспринимать как угрозу примерно неделю назад и начала воспринимать как что-то другое, чему пока не давала точного названия.

— Что значит «почти», — спросил он.

— Это значит что вы переговариваете условия каждые две недели, — сказала я. — Это не входило в мои расчёты.

— Условия меняются, потому что ситуация меняется.

— Я знаю. Поэтому я здесь.

Пауза. Небольшая, но из тех, в которые умещается больше, чем в большие.

Он встал — неторопливо, как всегда, без лишних движений. Мы оказались по одну сторону стола — не вплотную, но близко, потому что кабинет был маленьким и обойти стол в обе стороны означало бы специально обходить стол.

— Вилла на острове, — сказал он. — Это хорошее предложение.

— Знаю, — сказала я.

— Вы знали, что я соглашусь.

— Я предполагала.

— Почему?

Я посмотрела на него прямо.

— Потому что вам нужна настоящая тишина, — сказала я. — Не временная, не между мероприятиями. Настоящая. Отдельный остров это даёт. Терраса с восемнадцатью людьми и живой музыкой — нет, как бы мы ни договаривались.

Что-то в его лице изменилось — не много, на ту одну мышцу, которую я уже умела видеть. Не удивление. Скорее — точность. Как когда тебя описывают правильно и это одновременно приятно и некомфортно.

— Откуда вы знаете, что мне нужно, — сказал он тихо. Не вопрос — что-то другое.

— Слушаю, — сказала я просто. — Когда вы говорите.

Пауза — длиннее предыдущих.

— Четыре недели, Лаврова, — сказал он наконец. — Не затягивайте.

— Не затяну, — сказала я.

Он взял свою кружку со стола. Кивнул — коротко, без лишнего — и пошёл к выходу.

Я смотрела ему в спину и думала только об одном: он сказал «четыре недели».

Четыре недели — и он уедет на другой остров, где будет тишина и никакого трафика гостей. Это хорошо. Это идеально. Именно так и должно быть — она работает, он не мешает, все при своём.

Четыре недели.

Я написала Косте: найди мне нормальных строителей на остров, срочно.

Потом сидела с телефоном в руке и думала о том, что четыре недели — это совсем мало.

Потом убрала телефон и пошла к Никосу обсуждать меню.

♥# Если вам нравится эта история, не забудьте заглянуть и в первую книгу цикла *«Вредные мужчины»* — *«Вредный подарок для миллиардера»*.

Новогодняя атмосфера, дом в горах, снежная буря, дерзкая курьерша и миллиардер, который привык получать всё, кроме её доверия.

Все книги читаются отдельно, но их объединяет одно:

вредный мужчина, сильная героиня и чувства, которым невозможно сопротивляться.

Глава 8. Шторм

На остров мы поплыли в четверг.

Не потому что я его пригласила — я никуда его не приглашала. Просто когда я сказала Косте «в четверг едем смотреть прогресс стройки», Корсаков оказался рядом и сказал: «Я тоже».

Не вопрос. Не просьба. Просто «я тоже», как будто это само собой разумелось.

Я не стала спорить. Это его будущая вилла. Логично, что он хочет посмотреть.

Логично. Всё было логично.

— Коста отвезёт нас в десять, заберёт в три, — сказала я.

— Хорошо, — сказал он.

* * *

Лодка у нас была небольшая, белая, с мотором, который иногда думал перед тем как заводиться. До

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.